

НЕ

Андрей Петрушкин

ДЕТСКИЙ ДОМ

СЕРИЯ «ПО ТУ СТОРОНУ ЗАБОРА»

Андрей Петрушин
Недетский дом
Серия «По ту сторону забора»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4964649
Недетский дом: Автоское; 2012

Аннотация

Эта книга не о детях и не для детей. Дети, подростки, несмотря на постоянные упреки предыдущего поколения к последующему, всегда одинаковые как в поведении, так и в воспитании. Можете сравнить нынешнее поколение с поколением, показательно описанным воспитанниками детского дома в известной книге, по которой снят даже вдохновляющий на педагогические подвиги художественный фильм.

Эта книга о тех взрослых, которые, получая зарплату за видимость проводимой ими работы по реабилитации, адаптации и воспитанию детей, проживающих в детском доме, презирают эту работу. А что из этого выходит, вы можете узнать из сводок происшествий и преступлений на ТВ.

Содержание

Предисловие	4
«Благоустройство»	5
Приемное отделение	8
Молодой психолог	11
Знакомство с детьми	13
«Нормированные» и их воспитатели	24
Витя и Инна	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Андрей Петрушин

Недетский дом

Предисловие

Более шестидесяти лет назад закончилась Великая Отечественная война, почти сто лет назад – Первая мировая. Нет уже ни разрухи, ни голода. Дети не страдают тотальным отсутствием родителей. Но почему тогда не исчезли детские дома? Почему они не исчезли до полета человека в космос, до изобретения интернета? Почему это явление существует параллельно с 3G, преодолением финансовых кризисов, празднованием Дня Победы, и сопровождает наше современное, постсоветское и в капитализме с демократией? Почему при живых родителях, дядях и тетях, бабушках и дедушках государство тратит огромные деньги на воспитание уголовников, алкоголиков и наркоманов? Конечно, есть выпускники детских домов, которым, несмотря на весь, поставленный на конвейер воспитательный процесс, удается выйти из детского дома и адаптироваться в той, зазаборной жизни. Но их настолько мало, что можно выставлять в шапиту на показ. Почему так происходит? Ведь в детских домах работают воспитатели с высшим образованием и многолетним опытом, состояние психики контролируется профессиональными психологами, летний отдых организуется настолько тщательно и разнообразно, что после него можно в забой идти, медицинское обследование проводят два раза в год. Права обездоленных защищают множество департаментов, детских омбудсменов, материальную помощь оказывают и простые сердобольные, и организации с миллиардными бюджетами. И, несмотря на все заботы и старания, в большинстве случаев из этих маленьких, брошенных человечков выходят отъявленные уголовники, тунеядцы, презирающие любой догмат морали и нравственности. Люди, на воспитание и содержание которых государство тратит миллиарды, не получают полноценными членами общества. Они навсегда остаются изгоями, «детдомовцами». ПОЧЕМУ???

Эта книга не о детях и не для детей. Дети, подростки, несмотря на постоянные упреки предыдущего поколения к последующему, всегда одинаковые как в поведении, так и в воспитании. Можете сравнить нынешнее поколение с поколением, показательно описанным воспитанниками детского дома в известной книге, по которой снят даже вдохновляющий на педагогические подвиги художественный фильм.

Эта книга о тех взрослых, которые, получая зарплату за видимость проводимой ими работы по реабилитации, адаптации и воспитанию детей, проживающих в детском доме, презирают эту работу. А что из этого выходит, вы можете узнать из сводок происшествий и преступлений на ТВ.

«Благоустройство»

В небольшом, очень провинциальном городе за Уралом, расположившись, как и большинство государственных учреждений этого муниципалитета, в здании бывшего детского садика, существовал детский дом. Он гордо носил популярное зоологическое название, не сильно подходящее для учреждений такого типа. И именно благодаря фантазии основателей, давших столь незамысловатое название ДД, воспитанников называли не иначе как «оленьята». Хотя среди горожан и ходило более точное определение обитателей детского дома – «кукушата», сотрудники казенного учреждения всегда поправляли в частных беседах своих забывшихся собеседников. Располагался детский дом в одном из немногочисленных микрорайонов, и граничил забором с детским садиком. Проживающие в домах по соседству старались обходить стороной заведение, а в соседствующий садик водили детей только мамы и папы, которые не смогли найти более рейтинговое расположение временного обитания своих чад. Располагающаяся неподалеку школа также не пользовалась авторитетом у жителей, так как в виду близости от ДД большинство воспитанников были принуждены посещать именно её. Магазины, наоборот, были рады такому соседству, и делали обороты своих денежных средств на продаже обитателям детского дома алкоголя, сигарет и сладостей.

Само здание было коричневого цвета с наклепленными, непонятно что символизирующими, геометрическими фигурами бледных оттенков коричневого и желтого цветов. Учреждение имело три этажа. По расположению жилых комнат и кабинетов администрации и сотрудников, здание детского дома не было приспособлено ни для проживания, ни для воспитательной работы.

На первом этаже располагались приемное отделение с медицинским и процедурным кабинетами, столовая, и, согласно пожарным инструкциям, отделения для маленьких воспитанников. Также здесь находился «аквариум», в котором регулярно обитали дежурный по режиму и чоповец. Выходили они за пределы своих стен редко, и не крайне охотно. Для многих сотрудников по сей день остается загадкой предназначение этих должностей, ибо решать многие вопросы нарушений режима, или же избавления от непрошенных гостей приходилось самим воспитателям, даже после нижайших просьб о помощи. Столовая имела обычный вид школьной столовки, только со скатертями и салфетками. Стены были выкрашены однообразной желтой краской и украшены на входе копиями приказов и инструкций, помещенными в файлы, и прикреплены намертво криво и неаккуратно оторванным скотчем. Большинство воспитанников были регулярно недовольны предлагаемым меню, и частенько, то есть ежедневно, выказывали свое недовольство в разной форме качеством приготовления тушеной капусты или «кошачьей» рыбы, требуя заменить всё мясом.

Второй этаж был более разношерстным. Угол левого крыла занимали директор с замами, отдел кадров, складские сотрудники и методисты. Вдоль коридора располагались отделения старших по возрасту воспитанников, носившие названия первого и второго отделения, состоящие из трех блоков по две комнаты, и воспитательской с мягким диваном и давно отслужившими свое столами. Убранство воспитательской дополнял шкаф с ненужной воспитанникам художественной литературой, стоявшей для заполнения интерьера. На этом мягком продавленном диване пролито немало слез, поведана не одна сотня тайн и получены многие тысячи житейских советов, которые, в большинстве своем, никогда не использовались по назначению. Напротив комнат воспитанников находилась душевая. И чтобы принять душ, необходимо было пронырнуть между бегающими и шаркающими из бухгалтерии в приемную или отдел кадров, и обратно, с умным и озабоченным видом и кипой бумаг, сотрудниками. Воспитанники настолько привыкли к этому расположению комнат, что, не стесняясь ни сотрудников, ни гостей или посетителей, обмотавшись полотенцем, или просто

идя по коридору в трусах, выкрикивали имя дежурившего воспитателя, чтобы взять ключ от душевой. Душевая чаще использовалась по назначению. Но иногда из-за двери таинственным образом просачивался запах горелого никотина. Коридор продолжался холлом, в котором для придания хоть какого-нибудь вида, находился редко моющийся аквариум с тремя, чудом выжившими, рыбками, большой телевизор без пульта, но плоский, два диванчика, продавленные и протертые. На полу лежал зашарканный ковер, также служивший местом помещения тел воспитанников, которым не хватило места на диванчиках. Не понятно, с какой целью в холле находился встроенный в стену, электрический камин. Он никогда не работал, но привлекал внимание посетителей, которые также задавились этим вопросом. Смею предположить, что это была попытка создания образа домашнего очага. Хотя могу и ошибаться. Холл имел выходы в актовЫй зал, «зеркальный» зал, и продолжался в следующие отделения, называвшиеся третье и четвертое, отличавшиеся от первого количеством блоков, более юным возрастом воспитанников и запахом. Запах этих отделений нельзя было спутать ни с каким другим. Ибо такого количества нерегулярно моющихся подростковых тел, и не удерживающих свои естественные инстинкты домашних, вернее детдомовских, животных, больше нигде не было. В конце коридора была дверь, ведущая на лестницу и в бухгалтерию. Разбитие этажа на отделения соответствовало только количеству воспитанников, за которыми приглядывали воспитатели. И ничем другим не обуславливалось.

На третьем этаже по разные стороны располагались временное отделение и социальная гостиница с кабинетами психологов. Запах здесь был приятнее, воспитанники чище. В отделении социальной гостиницы находилась душевая, регулярно используемая сотрудниками в качестве курительной комнаты. Практически первым приказом нового директора был запрет на курение на территории детского дома. И, как все приказы в нашей стране, сотрудники этого заведения обкурили его в этой интимной комнате.

Полы коридоров и центральной лестницы детского дома украшали выцветшие, непонятного серо-голубого цвета ковровые дорожки, которые обычно стелют на входе в дачную баню, или в конуру собаке. Среди воспитанников и сотрудников не принято было разуваться на входе, и сезонная грязь разносилась обувью по всем уголкам детского дома. Не возымели действия на эту антисанитарию ни приказ директора о необходимости разуваться или же носить бахилы, ни личный пример директора. Воспитанники старались быстро проскользнуть мимо охраны, кричавшей вслед, посылая их привычными, для русских словами. Основным аргументом, который использовали жильцы, был: «Это мой дом! И я здесь хозяин». Часть сотрудников поменяли мнение и отношение к чистоте, снимая обувь. Но другая часть, испытывая неприязнь к руководству и его законотворчеству, и сохранив подростковый негативизм, несмотря на значительный возраст, пробегала к своим рабочим местам, не снимая обувь.

На центральной лестнице, в холлах и коридорах под потолком, и на углах здания были установлены камеры наблюдения, снимавшие и передававшие информацию в кабинет охраны, «аквариум». Чудо современной техники позволяло сотрудникам охраны и дежурному по режиму иметь информацию о поведении воспитанников, хотя и в очень ограниченном количестве. В жилых комнатах наблюдение не велось, а что там происходило, оставалось тайной, недоступной для зорких глаз камер.

Была одна особенность этого заведения. Ни в одном из туалетов не было сидушки на унитазах. То есть, в течение многих лет сотрудники и воспитанники вынуждены были справлять нужду, сидя на холодном санфаянсе, и получая в награду к облегчению организма некоторое количество прыщей на мягком месте. Чем обусловлено такое обустройство отхожих мест, объясняли по-разному, и все время как-то глупо. Официальная версия была связана с трудностью санитарной обработки данной детали, и несоответствием требованиям САН-ПИНа. Но почему – то в других учреждениях города, например в детской больнице, данное

дополнение к комфорту присутствовало и обрабатывалось без особых проблем. Да и проверяющие организации по данному поводу претензий не имели. Вторая версия была экономическая. Дескать, денег постоянно для закупки новых сидушек нет ввиду неаккуратного использования, приводящего их в негодность. По отношению к воспитанникам это можно было предположить. Да и то с натяжкой. Но как это объясняет отсутствие такого удобства в служебных туалетах? Самым популярным и более правдоподобным, хоть и не без доли юмора, было такое объяснение: чтобы не засиживались. А то народу много, а унитазов на всех не хватает. В принципе, мнение интересное и небезосновательное.

На небольшой территории, окружающей детский дом, огороженной крепким железным забором, впрочем, имевшим тайные места прохода для знающих воспитанников и сотрудников, размещалась площадка для игры в футбол или в баскетбол, в зависимости от мяча и настроения игроков. На площадке стояли не поддающиеся реанимации ворота со старой, но еще целой в некоторых местах, сеткой. Над воротами висели баскетбольные кольца без сеток, и с разным углом наклона, появившимся после регулярных «подвисаний» юных спортсменов на них. Детская площадка со скудным набором конструкций для игр младших детей, находилась слева от здания, вперемешку с березами. Конструкции были крайне примитивными и угловатыми. Машинку, качели, песочницу регулярно красили, но их это мало спасало, а только продлевало срок нахождения на территории детского дома. Впрочем, это не мешало детям активно использовать конструкции для детских игр в своих уличных забавах. Вы сами, наверно, помните, что в детстве достаточно было палки, чтобы использовать ее в разных играх по-разному. Это мог быть и меч, и жезл, и волшебная палочка. Перед фасадом здания был разбит цветник, и что-то наподобие маленького пруда, без рыб, но с водой. Территория регулярно убиралась дворником, по совместительству работающим в ЧОПе, и охранявшим вход в детский дом. Но, как водится в России, чистота территории сохранялась ненадолго. Бычки от сигарет регулярно смешивались с грязью и опавшими листьями.

Приемное отделение

Человека, который пришел в профессию не работать, а зарабатывать и делать карьеру, вычислить очень просто. Конечно, карьеристами не рождаются. И у такого человека была светлая мечта стать кем-то выдающимся, значимым, и жутко уважаемым. Будущий светила читал с детства специальную литературу, биографии великих ученых, путешественников, посещал кружки и общества, старался общаться только с высокоинтеллектуальными людьми. Но пришлось повзрослеть и окунуться в реальный мир. И по разным, объективным, или просто из-за лени, причинам не получилось воплотить свою заветную мечту. Возможно, мечта была не по интеллекту, или же, наоборот. Но куда-то надо девать свой невостребованный талант и массу кипучей энергии, которая, того и гляди, прорвется на поверхность сознания и, расплескавшись журчащей лавой, уничтожит личность несостоявшегося героя нашего времени. И человек, смирившись с утратой мечты, идет покорять небосклон небожителей, в простонародье презрительно именуемых «чиновниками». И вот такой молодой чинуша начинает свой путь с низов, а чтобы время зря не терять, во время восхождения по карьерной лестнице возвращает в себе эгоизм к сослуживцам, и чувство глубокого идолопоклонничества начальству. Он понимает, и точно знает, что необходимо чиновнику и что нравится начальству. Поэтому он отлично владеет навыками составления планов мероприятий на неделю, месяц, год. Он за час составляет отчеты в любой форме и по любым параметрам. Он яростно поддерживает все инициативы руководства, но только стоящего на голову выше его непосредственного начальника. Он с удовольствием выполняет общественные поручения, и всегда старается быть в курсе всех событий, даже не касаемых его напрямую. Он всегда на виду. Он очень быстро бегаёт по лестницам, собирает данные у других отделов, делая попутно уйму ксерокопий разнообразных документов – «на всякий случай», «а вдруг они потеряют». При этом он старается избегать работы, напрямую связанной с занимаемой им должностью. Он весь в планах, статистике, отчетах, отписках и т. д. Один из самых ярких признаков такого руководителя начального уровня – это постоянное умаление, уменьшение трудовых заслуг, подвигов, и просто хорошей работы своих подчиненных. Особенно достается возможному, по мнению начальника, конкуренту. Без устали и перерывов на этого несчастного сыпятся всевозможные придирки, сомнения в соответствии с занимаемой должностью. Это чаще происходит не напрямую, но так, чтобы вышестоящие услышали, якобы оброненную случайно, фразу, претензию. Эти признаки проявляются на первой же административной должности. Это люди – ураганы. Или, как их называют простые сотрудники, «кипишисты». И не ведают они, бедные, что такого добра в учреждениях навалом, и для следующей ступеньки могут выбрать не их, преданных руководству и учреждению, а просто красивую девицу с миленьким личиком, маленькими мозгами и длинными ноготочками. Ведь, что характерно, если такой человек выпадает из рабочего процесса по причине отпуска или болезни, работа отдела, без такого «ценного» предводителя, не останавливается. Но становится значительно спокойнее работать. Да и продуктивность труда подчиненных резко увеличивается. И начальство некоторое время отдыхает от этой, невообразимой по силе имитации, бурной деятельности. Вот таким «кипишистым» и была заведующая приемным отделением детского дома, куда доставили Витю. Личная жизнь, ввиду кипучей энергии и постоянного поиска идеала среди простых смертных, к сорока годам у Ирины Аркадьевны так и не сложилась. Фигурой от стандартов красоты, принятых не только в Парижу, но и в зауральном обществе, она отличалась настолько сильно, что любоваться ею мог только ярко выраженный эстет. Своих наследников на протяжении жизни она не заимела, и, судя по ее высказываниям во время бесед с детьми, поступающими в детский дом, не очень-то и старалась. Хотя, ходили слухи о ее безрезультатных попытках получить кров-

ного гомункулуса в пробирке. Но зато она имела большой опыт общения с «такими детьми». Правда, трактовала свой опыт она однобоко.

– Ну, проходи, садись на стул.

Витя – бледный худощавый мальчик тринадцати с небольшим лет, – сел на краешек стула.

– Что в глаза не смотришь? Стыдно? Почему дома не сидится? Отвечай! – Раздражение заведующей было понятно. Вместо того, чтобы бежать к начальству в надежде подхватить какую-нибудь полезную для карьеры, но простую в выполнении, работенку, пришлось заниматься своими обязанностями по приему будущего воспитанника. – Что, в детдоме хочешь жить? Не живется ему с отцом. Не стыдно?

– Он меня бьет, – еле сдерживая слезы, прошептал Витя.

Сопровождающая сотрудник полиции передала документы:

– Этот мальчик нам столько хлопот доставил за последние два месяца, – уставшая «серая форма» опустила на стул, – его приводят наши сотрудники. Он постоянно жалуется на избиения отцом. При этом синяков ни разу я не видела. Подбирают его то в подъезде, то на улице. И всегда одно и то же. А у отца и квартира есть, и работа. Правда, с молодой женой живет. И ребенок у них маленький родился. Может к малышу ревнует? Или с мачехой чего не подели?

– А отец где? – поинтересовалась заведующая.

– Он с нами не поехал. Вот написал заявление о помещении сына в детский дом, и поехал на работу.

– Так, пошли в изолятор. Дальше не твоих ушей разговоры. – Заведующая препроводила Витю в комнату и закрыла на ключ.

– Бедный мужик, – вздохнула заведующая, рассматривая фото отца Вити на ксерокопии паспорта. – И что отец говорит?

– А что он может сказать? – Серая форма выпучила глаза. – Увез он сына из Туркмении от матери – алкоголички, когда сыну еще и года не было. Они вдвоем прожили восемь лет. Отец для него все делал. Работал на трех работах. Сначала садик выбил, потом школу. Вроде все нормально было. И учился неплохо. А тут как с цепи сорвался!

– Все они свиньи неблагодарные, – подвела итог заведующая, – ну, спасибо за подарок. Будем работать.

Оставив номер телефона отца и мачехи Вити, сотрудница органов удалилась по своим делам.

– Ну, иди сюда. Разговоры разговаривать будем, – недобро прищурилась заведующая на входившего в кабинет Витю. – Садись на стул. Галя, его на вши проверили?

В проеме двери появилось уставшее лицо медицинской сестры:

– Да, конечно. Он чистенький. Без вшей, – монотонно и без лишних эмоций лицо доложило о результатах первичного медицинского осмотра.

Обязательный осмотр заключался в измерении веса и роста, осмотра головы и кожи рук на предмет обнаружения насекомых, не занесенных в Красную книгу, определения на глаз наличия инфекции во рту. В случае обнаружения насекомых голова или тело целиком, в зависимости от вида паразита, обрабатывались специальными растворами. И никуда никому не сообщалось, если об этом не знали третьи лица, такие как учителя, воспитатели или мед. работник детского сада или школы, что было очень часто. А сообщать было необходимо для выявления возможного очага и принятия мер для его ликвидации. Но надо было бы заполнять лишние бланки, отвечать на вопросы проверяющих. А этого никому не хотелось. Поэтому в век наладонников и полетов на Марс, в детских коллективах все еще встречаются вши и чесотка. А наивные родители недоумевают, откуда у их чада из самой благополучной семьи могли завестись в волосах эти «домашние животные».

– Бьет, значит, да? Мало видно бьет. Наверняка есть за что! – громогласное утверждение заставило Витю опустить глаза под плинтус. – Ну, вот что твой отец пишет: в школу не ходит, постоянно где-то шляется, лжет сотрудникам полиции, что отец его избивает. Или избивает? – смягчив голос до притворно-нежного, спросила заведующая, наклоняясь к Вите, и пытаясь отыскать его глаза.

– Бьет он меня, – выдавил из себя Витя.

– И вчера бил? – с надеждой поинтересовалась старшая медсестра, стол которой располагался тут же.

– И вчера, – прошипел Витя. По щеке стекла крупная слеза и, разбившись возле уголка рта на два ручейка, упала на пол.

– Показывай тогда синяки. – Встав из-за стола, старшая медсестра приготовила зрение, сощутив глаза, к осмотру.

– Он меня без синяков бьет, – шепотом сообщил Витя.

– Без синяков, значит? Врешь ты все. Никто тебя не бьет. Ты это придумываешь, чтобы из дома сбежать. А когда тебя сотрудники полиции вылавливают, ты тут же на отца наговариваешь. Брехло ты. И правильно, что отец тебя сюда сдал. Ты же среди нормальных людей жить не можешь. А значит, будешь здесь жить. – Негодование переполняло заведующую. – Хватит ныть! Пошли обратно в изолятор. – И, взяв за рукав свитера, потащила Витю по коридору.

– А вы меня опять закроете? – уже без надежды, но с тоской в голосе спросил Витя, послушно волочась в указанном направлении.

– Конечно, закрою, – торжественно объявила заведующая, – а вдруг ты и отсюда надумаешь удрать? Мне потом по всему городу за тобой мотаться и отписки писать, почему мы не досмотрели за таким прекрасным мальчиком Витюшей. Нет уж! Сиди здесь под замком, и думай, как у отца прощение выпросить, чтобы он тебя домой забрал.

– Я домой не вернусь, – сказал Витя под звук щелканья замка.

Изолятор представлял собой две смежные комнаты очень небольшого размера с одним окном и туалетом, совмещенным с душем. Две железные кровати, модели которых популярны в психиатрических лечебницах, стояли в комнате с окном, одна в проходной комнате напротив туалета. Был один стол и один стул. Стены были покрашены непонятного цвета краской, слегка облупившейся возле изголовий кроватей от нервного ковыряния ноготками вновь прибывших детей долгими, страшными ночами. Изолятор больше напоминал чистилище после прежней, домашней жизни, перед переходом в иной мир. Мир без родителей, любви и домашнего уюта. Мир каждодневного унижения и выживания.

Пролежав, отвернувшись к стенке на не расстеленной кровати до обеда, Витя еще больше утвердился в своем решении не возвращаться к отцу. Но и здесь жить не вариант. Оставалась еще тетка, правда не родная. Но она тоже в последнее время стала к нему очень холодно относиться.

Молодой психолог

Инна Михайловна Конорейкина, красивая высокая девушка двадцати трех лет, прожила большую часть своей несовершеннолетней жизни в приемной семье, и, как никто другой, понимала ценность теплых, дружеских отношений между взрослыми и детьми. И вполне естественно, что после окончания школы направление получения ею высшего образования определилось психологией. Вырвавшись из опекунской семьи в небольшую однокомнатную квартирку, Инна, поступив и успешно окончив местный педагогический институт, решила всецело посвятить себя помощи таким, как она, – брошенным и одиноким. А где еще можно найти применение своим порывам, как не в детском доме. С горячим сердцем и кучей идей по улучшению жизни несчастных и обездоленных, Инна, после телефонного звонка о наличии свободной вакансии психолога, направилась в описанный детский дом. Окинув нового сотрудника быстрым, всепроникающим взглядом, директор отправила Инну в отдел кадров для оформления документов. Написав заявление, подписав у директора, сбегав через весь этаж в бухгалтерию для снятия копий с документов, и сдав копии в отдел кадров, Инна, окрыленная столь удачной возможностью реализовать себя, отправилась знакомиться со своей непосредственной начальницей.

– Проходите, не стойте между косяков, – голос начальницы показался дружелюбным, – значит, директор расширяет штат и набирает молодых и горячих сотрудников. Вы знаете, куда пришли?

После этого вопроса у Инны случилась остановка сознания, судорожно забегали мысли в затылке, хаотично предлагая ответы, и параллельно выдавая версии мотивов такого вопроса.

– Вы даже не представляете, что это за работа. Вас она касаться будет в небольшой степени. – Главная по психологии отпила большой глоток чая из замысловатой, даже для психолога с многолетним стажем, чашки.

Мысли в голове Инны дружно остановились и подняли белый флаг. Видимо, не стоит отвечать или делать выводы. Надо дождаться. Но чего?

– Так вот, – облизнув сухие губы, продолжила причина предыдущего состояния Инны, – это ад, а не работа! Вы даже себе не представляете, сколько отчетов, планов мероприятий мне приходится писать. И никакой помощи. Ни от кого, – уже уныло протянула начальница.

Слава Богу! Мысли голове выстроились в ровные шеренги и разложились по полочкам. Но, видимо, не все.

– А работа с детьми в чем заключается? – писклявенько донес потерявший ориентацию мысли язык Инны.

– В чем? Странный вопрос. Даже неуместный. – Лицо начальницы стало серьезным и надменным. – Вы ведь закончили псих. фак., правильно?

– Да, – неуверенно выдавила из себя Инна, сомневаясь в правильности интерпретации столь неоднозначного сокращения.

– Значит, вы должны знать свои должностные обязанности. И четко их выполнять, как и все сотрудники учреждения, – и тут последовал приобретенный непонятно из каких соображений и выводов, абсолютно неадекватный вопрос – Или вы намекаете, что я только бумагу перевозжу? – Благородный гнев стал наполнять красным оттенком склеры глаз начальницы. – Милочка вы моя! Если я не соберу с вас отчеты за прошедшую неделю и планы на предстоящую, я не смогу составить свой отчет и свой план. За это меня, как руководителя отдела, не поглядят нигде. А сколько еще бумаг приходится заполнять. То характеристики, то консультации, то на письма отвечать. То ищешь, где сотрудники шляются. А заполнение отчета

по количеству оказанных услуг! Это ведь ваша будущая зарплата. Если я не укажу, сколько и чего вы сделали за истекший месяц, вы на премию можете не рассчитывать. Кстати. Вот вам и первое задание. Составить план работы на следующую неделю. И возьмите список детей, которые к вам прикреплены, – начальница протянула напечатанный на неровно оторванном клочке бумаги список.

– А можно еще и образец плана? – Инна, как смогла, выразила на своем лице заинтересованность столь важным заданием.

– Возьмите у коллег. Заодно с ними и познакомьтесь, – потеряв всякий интерес к выскочке, ответила заведующая психолого – педагогическим отделением. О том, что разговор закончен на сегодня, можно было догадаться по устремленному в монитор лицу и полному погружению в мегабайты отчетов. Инна, не прощаясь (прошел только час рабочего времени), вышла из кабинета.

Общий кабинет для рядовых психологов находился через стенку, так что путь на новое рабочее место занял всего несколько секунд. В кабинете никого не было. Это несколько удивило Инну, и, одновременно, обрадовало. Можно спокойно привыкнуть к обстановке, разложить свои вещи по ящикам стандартного стола. В кабинете было 3 стола, небольшой диван и этажерка с разнообразной психологической литературой. Сев за стол, Инна взяла в руки список прикрепленных к ней детей, и тупо уставилась в не о чем не говорившие ей фамилии и имена. Не имея понятия, где искать «закрепленных», Инна впала в легкую панику. Коллег не было. Просить совета у начальницы Инна не решилась. День только начался, а слушать этот противный голос лишний раз уже не хотелось. На душе было тревожно. Ощущения нереальности происходящего стало выходить из подсознания. «Вот так попала, – промелькнуло в голове. – Вроде и коллеги, одинаковый факультет окончили, и такое странное отношение к новому сотруднику. Что-то тут не так». Просидев в таком анабиотическом состоянии, и с пустой головой около получаса, Инна решила для начала найти и познакомиться с «закрепленными» и воспитателями.

Знакомство с детьми

Инне достались дети из отделения младших подростков на втором этаже. Первым делом молодая психолог посчитала, и небезосновательно, что надо познакомиться с воспитателями. Кто же еще, кроме них, должен хорошо знать подопечных? Придя в воспитательскую, Инна обнаружила лишь младшего воспитателя, – пожилую женщину лет шестидесяти. В более старых номенклатурах эта почетная должность называлась «уборщица». Ну а местные шутники, в свете новых воззрений на труд, обращались не иначе как «менеджер по чистоте». Менеджер – уборщица тихонько, как ей казалось, ругала одного «балбеса, который настолько тупой, что в приготовленную к стирке машинку с белым бельем, засунул свои черные джинсы».

– Господи, вот дебилы, – причитала младший воспитатель, разбирая постиранное белье, получившее новую гамму красок. – И куда теперь это девать? Ирка это носить не будет, – посмотрев на свет на блузку, выглядевшую как половая тряпка для мойки туалетов, сказала она. – Еще и истерику устроит, что ее вещь испортили. Может, хоть она этого идиота прибьет?

– Добрый день! – Инна решила обратить на себя внимание менеджера по чистоте, – вы не подскажете, где я могу найти воспитателей?

– Здрассте. А вы кто? – отложив разбор груды испорченных вещей, поинтересовалась уборщица.

– Я – ваш новый психолог! – торжественно выпалила Инна.

– Мне психолог уже не поможет. Ваша начальница сказала, что мне к психиатру уже надо. Таблетки и уколы мне только помогут, – обыденно произнесла младший воспитатель, устало присев на стул. Морщинистые руки перебирали тряпку. Уставшие глаза пытались разглядеть новоявленного сотрудника сквозь запотевшие стекла в перемотанной изолентой оправе. Костюм на менеджере соответствовал занимаемой должности: непонятного, но все же, ближе к серому, цвета, с оттопыренными карманами, которые провисали под тяжестью чего-то ценного и, видимо, очень необходимого для работы. Туфли имели потрескавшийся вид, и характерно скрипели при ходьбе.

– Я неправильно выразилась. Я буду заниматься с детьми вашего отделения, – засмушалась своей неточности Инна. Ее коробил этот оценивающий взгляд. Хотелось быстро покинуть это место, но приходилось терпеть. Надо было найти воспитателей или, хотя бы, своих детей.

– А им тем более вы не поможете. Вот посмотрите на эти вещи. Это ж каким конченным дебилом надо быть, чтобы черные джинсы засунуть к светлым вещам! – вновь запрочитала младший воспитатель. – Вот вы психолог. Вот вам и первая работа будет. Научите одного дебила цвета различать. И не смешивать темное и светлое в одной машинке. Ему же жить самостоятельно придется.

– А разве не воспитатель должен учить этому? – Инне не нравилось, когда ей указывали, что она должна делать. И особенно люди, стоящие далеко от ее профессии.

Нет, Инна не относилась с презрением к людям, выполняющим грязную работу. Ей самой приходилось втайне от приемных родителей, которые были очень строги в отношении к деньгам, и не позволяли ни себе, ни детям лишние траты, подрабатывать уборщицей в институте после занятий. Просто, как заметила Инна за свою недолгую жизнь, все люди, практически кого не спроси на улице, вне зависимости от образования, жизненного опыта, очень хорошо разбирались в двух вещах – в спорте и психологии. И каждый, узнав на каком факультете она училась, сразу заваливал ее советами, какую книгу прочитать, чтобы стать настоящим психологом. Какой фильм посмотреть, чтобы лучше понять душу челове-

скую. Первое время Инна пыталась сопротивляться таким наставлениям, но потом решила, что проще выслушать, помахать головой, сказать «спасибо» за дельный совет, и тут же его забыть, чем вслед еще выслушивать упреки в неблагодарности.

– Воспитатели. Они у нас очень занятые. То все чай пьют, то типа в школу ушли за деток договариваться. А сами приходят с полными пакетами, или бумагами от нотариуса на новую квартиру. Нет, видимо, не должны, – тон причитания сменился на требовательный. – Вот вы мне скажите, психолог, кто должен заниматься с детьми по поводу насваев?

– Каких насваев? – не поняла вопрос Инна.

– А вы разве не знаете? И какой вы после этого психолог? – разочаровалась менеджер по чистоте.

– Может, я не расслышала, о чем вы спросили? – стушевалась Инна.

– Насваи, – начала тоном преподавателя просвещение неграмотного психолога младший воспитатель, – это шарики черного цвета из куриного дерьма, и еще чего-то. Жуют они их постоянно.

– А, насваи, – поняла, о чем шла речь, Инна, – в них табак содержится, известь и куриный помет, – попыталась она задавить знаниями зазнавшуюся уборщицу.

– Не знаю я подробности. Но только эти паразиты постоянно плюют этой гадостью на стены возле кроватей. Потом не отмоешь эти харчки никак. Целый день трешь. А на следующий день опять и в тех же местах. Как же они задолбали.

– А все-таки, вы не подскажите, где я могу найти воспитателей? – Инна почувствовала, что разговор на подобные темы может продолжаться вечно.

– Одна ушла в школу, а вторая где-то здесь бегаёт, – немного обиженно сказала уборщица. Ей явно хотелось еще много чего поведать про этих паразитов, а тут так бесцеремонно оборвали.

– А за детьми кто смотрит? – удивленно спросила Инна.

– А че за ними смотреть? Куда они денутся? Кому надо, тот уже ушел. Остальные в компьютер играют. Слышите, какой шум стоит? – Из дальних комнат доносился рык монстров и однообразные басы. – Это они веселятся. Меньше будут в комнатах сидеть – меньше нагадят. Лучше бы в школу пошли, – объяснила свою позицию менеджер по чистоте.

Инна решила пойти на шум компьютерной игры. Может, там отыщутся ее дети. Зайдя в крайний блок из двух комнат, Инна споткнулась о чей-то ботинок, и чуть не наступила на лежавшее рядышком полотенце. Дверь в одну из комнат была по центру криво заклеена картинкой из журнала, за которой виднелась сквозная дыра размером с женский кулак. В другую комнату дверь была открыта. Из открытой двери доносился механический громкий звук и человеческая речь. За двумя соседними столами сидели игроманы, и активно, не обращая внимания ни на Инну, ни на реплики болельщика, сражались между собой на виртуальном поле брани. Они настолько были погружены в тот мир, что настоящий для них временно не существовал. Помогала так же им в этом музыка, если так можно назвать монотонно вылетающие басы из двух динамиков музыкального центра, стоявшего на подоконнике, и пары колонок, из которых и доносился душераздирающий рев погибающего юнита. Болельщик лишь беглым взглядом обратил свое внимание на гостью, и стал еще активнее жестикулировать одному из геймеров. Инна встала за спиной игроков и попыталась понять смысл игры. Эта была стандартная стратегия в реальном времени, в которых живет половина подростков, когда не играет в «контру» или «ГТА». На коробках многих игр стоит возрастной ценз. Но и алкоголь с сигаретами у нас можно продавать только совершеннолетним. А откуда тогда у нас столько бронхитов у юных курильщиков и передозировок алкоголем у подростков? Сколько детей к окончанию школы становятся алкоголиками и токсикоманами? Да, курение относится к болезням. И называется такая болезнь никотиновой зависимостью. А получить ребенка в свои цепкие лапки производителям легального одурманивающего вещества,

вызывающего зависимость не слабее героина, в подростковом возрасте – это значит, обеспечить себя постоянным покупателем на тридцать-сорок лет вперед. Некурящих воспитанников можно было пересчитать по пальцам. Причем, возраст курителей начинался с девяти лет. Так что, любовь к компьютерным играм была не самым тяжелым пороком в этом заведении.

Инна постояла около минуты, наблюдая за реакцией мальчишек, которая нередко сопровождалась отдельными словами из лексикона сапожников, на происходящее на экране, и поняла, что для них она просто мебель, только без пыли. Пора было обратить на себя их, прикованное к игре, внимание.

– Добрый день! – постаралась перекричать динамики Инна. Реакции не последовало. Даже болельщик не повернулся. Инна подошла сбоку от столов, чтобы попытаться попасть в поле зрения детей, и повторила, но уже громче:

– Добрый день!

– Да добрый. Че так в ухо орать? – возмутился сидящий ближе к Инне игрок, и нажал на паузу. Инна удивилась, как ее голосок смог перебить децибелы динамиков и вызвать неприятные ощущения. Но своей цели она достигла – на нее обратили внимание.

– Блин. Я из-за вас проиграл, – расстроился ее собеседник.

– Да ладно, «из-за вас», тебе все равно трындец был. С одним орком на мою армию, – праздновал победу второй геймер. – Не умеешь играть – не садись.

– Это я-то не умею? Выиграл у меня первый раз за сколько времени, и сидит, хвалится, – пытался осадить развеселившегося соперника проигравший. – Пошли покурим, и я тебя сделаю.

Инна по-прежнему чувствовала себя мебелью. Мальчишки свободно и непринужденно разговаривали между собой на тему, разрешенную нашим правительством к обсуждению только с возраста совершеннолетия, не обращая на нее никакого внимания. И, не стесняясь присутствия взрослого, обсуждали способ получения никотиновых палочек.

– Иди, попроси у Кати пару сигарет, – пытался послать победитель болельщика.

– Не даст она мне. Она же знает, что я не курю, – отмазался болельщик.

– Вот ты, все-таки, Коля – гад. А как в комп поиграть, так «все, что хотите, сделаю», – передразнил его проигравший.

– Ага. Вы мне за булочки еще не дали поиграть, – напомнил болельщик. Это был мальчик лет двенадцати, невысокого для своих лет роста, с лохматой головой, и жующий что-то, не источающее привычный ментоловый аромат.

– Мы тебе другим отдали. Не ной, – обрезал дискуссии победитель.

– Ребята, – врезалась в разговор Инна, – извините, что перебиваю. Но мне надо найти некоторых воспитанников.

– А вам зачем? – спросил Коля.

– Я ваш новый психолог и мне надо поговорить со своими детьми, – получился какой-то бред в ответе, но Инна решила не исправляться, чтобы совсем не выдать, как она волнуется.

– А у вас список есть? – любопытствовал Коля, и, без оглядки на правила поведения, сунул свои глаза в принесенные с собой бумаги Инны.

– Да. – Инна пробежалась по списку, и не нашла в нем воспитанника с именем Коля. – Но тебя в нем нет. А с тобой разве не занимается психолог?

– Еще чего, – обиделся Коля, – что я, псих какой-то?

– Вообще-то, с психами занимается врач-психиатр, потому что у человека есть психическое заболевание, – разъяснила Инна, – а психолог занимается с нормальными людьми, у которых есть проблемы. Например, с общением или поведением.

– О! – воскликнул победитель компьютерной баталии. – Этому точно надо к психологу, – и, не больно, больше для показухи превосходства, ткнул Колю в грудь кулаком.

– Заткнись уже, Рустам, – не выдержал Коля. – Тебя самого отправляли к психиатру.

– Не твое дело, трепло, – попытался остановить слив информации незнакомке Рустам. Он был выше присутствующих, хотя и такой же худощавый. Вообще, в детском доме невозможно было найти среди мальчиков крепыша. Все были как на подбор – худые и сутулые.

– Так, значит, ты Рустам? – И Инна вновь пробежалась глазами по списку. – Нет, тебя тоже нет у меня. Ну а тебя как зовут? – обратилась Инна к пареньку, чем-то похожему на Рустама.

– Меня Тимур зовут, – гордо сообщил напарник Рустама. – И, как можно чаще, с улыбочкой, – попаясничал проигравший решающую битву. – Меня тоже у вас нет. Я к другому психологу ходил. К Свете. А вас как зовут?

– Извините, не представилась. Меня зовут Инна Михайловна.

– Инна Михайловна, вы курите? – решил проявить смелость Коля. Ему хотелось заслужить право игры на компьютере. А новая психолог вроде не представляла явной опасности, и можно было попытаться.

– Нет. Так же как и ты.

– Во ты баран, – подивился Рустам. А Тимур лишь покрутил пальцем у виска. – Ладно. Пошли. Вы не против? – обратился Рустам к Инне. – Нас же в вашем списке нет.

– Не против. – Как Инна вообще могла быть против их решения уйти. – А где мне найти воспитателя?

– Не знаю, – пожал плечами Рустам. – Наверное, сидят где-то, чай пьют. Или покурить вышли.

– Понятно. – Инна решила, что надо искать другие источники информации.

Они вместе вышли из комнаты.

– А вы пойдите к охране, в «аквариум». У них монитор есть. На нем по камерам можно найти почти везде, – посоветовал Тимур.

– Спасибо, Тимур. Может, и сами охранники знают, где воспитатели.

Спустившись на первый этаж, ребята побежали на улицу, а Инна отправилась в «аквариум». В кабинете охраны сидели, развалившись на стульях, двое мужчины не первой свежести. Один из них был одет в форму чоповца и шлепанцы. При этом, аккуратно выбрит, причесан, и с легким запахом перегара. Второй выглядел значительно лучше. Был свеж, одет в джинсы и полосатый свитер.

– Добрый день. Я – новый психолог. Не могу найти воспитателей со второго этажа.

– Здравствуйте, – ответил первым чоповец. – А, шляются где-то, – поделился он ценной информацией.

– Добрый день. Я – дежурный по режиму. Вам с какого отделения надо? – решил помочь мужчина в полосатом свитере.

– Я даже не знаю, – растерялась Инна.

– Хорошо. Которое над нами, или ближе к администрации? – предложил на выбор дежурный.

– Которое над нами. То есть над вами, – почти запутавшись, исправилась Инна.

– Теперь понятно. Одна воспитатель ушла. А вторую сейчас по камерам поищем. – Пробежав глазами по изображениям с двенадцати камер, и не найдя нужного силуэта, дежурный расстроился. – Присаживайтесь, – предложил он Инне стул, – сейчас откуда-нибудь выйдет, и мы ее увидим.

– Я уже около часа не могу найти их, – немного приврала Инна.

– Это что. Вот когда приходит кто-то посторонний, – например, родственник чей-нибудь, – мы не просто по монитору ищем их, а приходится побегать по этажам, чтобы отыскать их, – пожаловался чоповец.

– Вот, кажется, и она, – обрадовано ткнул пальцем в монитор дежурный, – из администрации вышла, и опять пропала. Камеры не совсем удачно расположены.

– А как она выглядит? – зорче орла всматриваясь в монитор, спросила Инна. Она не успела рассмотреть проشمыгнувшее изображение.

– Как и большинство здешних сотрудников. Большая и в черном, – буркнул дежурный. – Я вообще не понимаю этих воспитателей. Чего они по всему зданию бегают? Есть рабочее место, вот и работай на нем.

– А ну быстро разуваться, – крикнул чоповец прибежавшей с улицы детворе.

– Ага. Щас, – он получил в ответ еще и незамысловатую фигуру из пальцев, характерную для общения в американских фильмах.

– А ну стоять! – Охранник попытался поймать непослушных, ринувшись в проем двери. Но их шаги уже удалялись вверх по центральной лестнице, разнося по ступенькам свежую осеннюю грязь.

– Вот мерзавцы, – прошипел охранник. Ему хотелось, несмотря на свой пенсионный возраст, порисоваться перед молодой сотрудницей. Но не вышло.

– И так всегда. А мер воздействия на них нет. Права ребенка должны соблюдаться, – пожаловался дежурный.

– А почему вы не скажете об этом воспитателям? – наивно спросила Инна.

– Говорили уже сто раз. А все без толку. Зато потом директор на нас отрывается: «Почему пропустили в обуви? Куда смотрите?». А разуваться или нет, – не от нас должно идти. Это от воспитания зависит. А воспитатели неизвестно где ходят. Придешь, выскажешь им. Они тупо посмотрят на тебя, покивают головой, и сидят дальше чай пьют в ожидании окончания смены. Это не воспитатели. Их переименовать надо в присутствующих. Пришли на смену, поприсутствовали, и ушли. Для них главное, чтобы ничего не произошло, а то баллы не поставят.

– Какие баллы? – Инну не просветили про такие методы оценки работы.

– Вам не рассказали? – удивился дежурный. – Это такой способ делить ежемесячные премии. Главное, работать без косяков.

– Хорошо, что у нас нет баллов, – влез в разговор чоповец, – заступил на смену утром, на следующее утро сдал смену, и в конце месяца получил деньги. Все стабильно.

– Все. Ваша пропажа пошла по коридору в свое отделение. Можете ее там попытаться поймать, – радостно сообщил дежурный, показывая пальцем в монитор.

– Спасибо за помощь, – поблагодарила Инна, и направилась в отделение.

– Ну что вы, это наша работа, – неслоь вслед стандартно-чоповское.

Зайдя вновь в воспитательскую, Инна обнаружила грузную, но еще довольно нестарую женщину, наливавшую в чашку кипятка. Одета она была в черную длинную юбку, и такого же цвета блузку. «Может траур у человека. Хотя по выражению лица не похоже», – подумалось Инне.

– Добрый день. Меня зовут Инна Михайловна. Я новый психолог ваших подопечных, – обрадовала своим появлением Инна.

– Здравсте. На счет нового – это вы переборщили, – помешивая ложкой чай, сообщила воспитатель. – Чтобы вы были новым психологом, надо, чтобы до вас был старый. А его мы отродясь не видели.

Инна уже подустала от высказываний местных философов, и решила перейти сразу к делу:

– Посмотрите список детей. С кем из них я могу сейчас познакомиться?

Воспитатель, чье имя для Инны так и осталось загадкой, пробежалась по списку глазами, не переставая громко отхлебывать чай.

– Не мой, не мой, – вода пальцем по списку, отфильтровывала не своих детей воспитатель. – Да тут почти все не мои. Давайте ручку, я вам отмечу, кто из списка – мои.

Инна протянула карандаш, взяв его со стола. Ей не хотелось портить вид списка. Воспитатель с ухмылкой посмотрела на нее, и поставила три жирных креста напротив фамилий своих воспитанников, чуть не продырявив листок, и вернула список.

– Только моих сейчас нет.

– А где они?

– Кто где. Двое в школе, а Юрка бегаёт где-то. Его вчера вечером отпустили погулять. Так он до сих пор не пришел.

– А как же школа? – удивилась Инна.

– Он на домашнем обучении. И вы все равно с ним не поговорите. Он не разговаривает со взрослыми. Только записки пишет и мычит.

– А почему он так общается? – заинтересовалась Инна. Это был явно необычный мальчик. – А с детьми он разговаривает?

– А кто его знает, почему не разговаривает. Видимо, ниже своего достоинства считает опускаться до нас, – однобоко рассудила воспитатель, подперев свисающую часть грудной клетки. – Сначала, когда приехал к нам, были отдельные слова, что-то иногда просил. А потом совсем замолчал с нами. Мы уже привыкли, что он с нами или мычит, как Герасим, или записки пишет. Он вроде даже в дурдоме лежал. Но, видимо, не помогло. А с детьми еще как разговаривает. Особенно хорошо разговаривает, когда матерится. У него слова четко вылетают. Да и в магазине же он как-то покупает себе сигареты, конфеты.

– А сколько ему лет?

– Уже шестнадцать.

– А давно он в детском доме живет?

– Лет восемь или девять. Я уже и не помню.

– А им кто-то занимался? Я имею в виду, психолог, психотерапевт? Ведь у него, наверное, какая-то психологическая травма была. Не зря же он только со взрослыми не разговаривает, – пыталась на ходу найти причину избранной бессловесности молчуна Инна.

– Да кто его знает, что у них бывает до прихода сюда. Может, и стресс какой. Но он состоит на учете у психиатра. Даже инвалидность есть. Деньги дополнительные на книжку каплют. К восемнадцати годам миллионером будет. И с квартирой, – не скрывая зависти, задумчиво и, заметно, что не в первый раз, высказалась воспитатель.

В нашем обществе принято не просто считать чужие деньги, но и откровенно завидовать людям, имеющим какой бы то ни было капитал. Эта тема является центральной в общении людей любого достатка, и, стыдно сказать, но прошловековая революция не уничтожила этот вид человеческого общения, злословия по телефону, при встречах, на корпоративах. Но почему же не посчитать чужие деньги, коли свои все пересчитаны, потрачены или перепряжаны? А то и вовсе нет их. Но зачем считать деньги, которыми государство, общество, и каждый из нас в виде налогов откупается от таких детей? Вы завидуете их деньгам и квартирам? Тогда поменяйте свое детство с родителями, своими игрушками, возможностью перекусывать когда угодно, уверенностью в завтрашнем дне, на койку в комнате, куда в любой момент может зайти кто угодно, и сделать что угодно, в том числе и с вами. Но это точно будет не мама с нежными, любящими руками.

– Как же мне его застать? Да и других ребят тоже надо увидеть, – специально вслух, надеясь на помощь, произнесла Инна.

– Ну не знаю. Наведывайтесь к нам почаще. Вот и застанете, – заскучала воспитатель.

– А они к обеду не приходят?

– Покушать они любят. Но если в интернет-клубе сидят, или гуляют, то до позднего вечера могут не вернуться.

– И что, до вечера будут ходить голодными? – встревожилась Инна, мама которой долго боролась то с чрезмерным, то с отсутствующим у нее аппетитом. После того, как однажды Инна упала в обморок прямо во время беседы с деканом на фоне очередного приступа похудения, она завязала с экспериментами в области лишения организма калорий.

– Может, и голодными. А может, что у родственников перехватят. Или на улице денежку на еду выпросят. Подают им. Даже на интернет-клуб хватает. Но чаще находят среди одноклассников друзей, и у них дома чай пьют. Выкрутятся.

– А вы не должны разве следить за тем, чтобы они вовремя кушали? – Инна не смогла сдержаться в себе этот вопрос.

– Мне их что, по городу собирать что ли? – возмутилась воспитатель. – Пока я за одним бегать буду, другие разбегутся. А еще эти чертовы планы мероприятий, отчеты постоянные.

«И здесь отчеты и планы. Но почему они все так напрягаются из-за этого? Наделали шаблонов и только даты меняй. Ну, иногда фамилии, – недоумевала Инна. – Так про детей у нее не узнать. Может, хоть общие принципы работы отделения сможет объяснить».

– А по какому принципу распределяют детей по комнатам? – попыталась переключиться на более нейтральную, как подумалось Инне, тему разговора. Но тут же получилось, что въехала в очередной забор.

– В смысле, «распределяют по комнатам»? – не просто не поняв вопрос, а зависнув на нем, переспросила воспитатель, чуть не опрокинув пустую чашку.

– Я имею ввиду, проводятся ли при расселении детей по комнатам какие-нибудь тесты на совместимость характеров, возраста, интересов? – Инна удивилась такой реакции человека с высшим педагогическим образованием. И по выражению полного недоумения, и набирающей обороты, плохо скрываемой ненависти, начала понимать, что нажила себе не то чтобы врага, но, как минимум, не союзника в работе с детьми.

– Аааа, – с облегчением выдохнула воспитатель, – вот вы про что. Все очень просто. Кто первый пришел, того и комната. У нас не гранд-бордель, чтобы у каждого спрашивать, какую комнату кто хочет, и какой вид окна предпочитает в это время года.

Вид из окна. Инна обратила внимание, что окна всех жилых комнат в детском доме выходили на одну сторону. Не самую лучшую, но одинаково типичную картину. Взору через редко чистое окно открывался вид на оборотную сторону здания детского садика, мусорные контейнеры и хозяйственные постройки. Редкие сибирские деревья дополняли этот унылый пейзаж.

– И как они уживаются? – не поняла и не приняла разумом воспитательского ответа психолог. – Ведь даже взрослым людям трудно ужитья в одной комнате, а тут дети – подростки из разных семей, с разным воспитанием, с разными проблемами.

– Вот так и уживаются, – кратенько ответила воспитатель, по манере появившегося кривляния слов Инны которой было понятно, как эта новенькая психолог уже ее достала.

Да, вопрос был явно не по адресу. Надо попробовать обсудить его со своей очень занятой начальницей.

– Ну хорошо, я, пожалуй, позже зайду, – не зная, как иначе обрадовать своим уходом «многоречивую» воспитателя, завершила разговор Инна.

– Приходите, будем ждать, – пробурчала воспитатель, разворачивая очередную конфету.

Выйдя в коридор, Инна услышала несколько детских голосов, доносившихся из актового зала. «Может хоть с ними удастся нормально поговорить и узнать где мои дети», – все еще пытаясь выполнять свои служебные обязанности, подумала Инна.

Этот зал носил название «радужного», хотя, надо иметь очень большое воображение, чтобы представить его в соответствии с таким названием. Двери на входе в зал помнили еще первые собрания воспитанников, и уже плохо выполняли свою основную функ-

цию. Стены были бледно-розового цвета, с отошедшими, местами, обоями под покраску. Потолок украшали не везде целые, и иногда со следами потолка, квадратики, такие, которые обычно обнаруживаешь в дешевых офисах. Стулья, хоть и добротные, но все же офисные, были расставлены в семь рядов. Посадочных мест для зрителей представлений, или участников собраний-заседаний, регулярно не хватало, и объяснить этого никто не мог. Так же, как и попытаться исправить. И те, кто приходил не вовремя на назначенные мероприятия, скромно, независимо от ранга, стояли вдоль стены. На полу перед стульями лежал немолодой ковер, имитирующий сцену. Из оборудования зала можно было отметить наличие пианино, расстроенного ровесника Моцарта, телевизор, показывающий исключительно «снежное шоу», висевший навсегда прибитым к потолку, и периодически раскручиваемый, экран для проектора, который внизу удерживался посредством стальной проволоки, десятикилограммовым блином для штанги. На журнальном столике располагался музыкальный пульт, подключенный к единственной, но очень мощной колонке. Пульт был, как уже вы могли догадаться, старым и пользоваться им в полной его мере, и по назначению, мог только профессиональный, и музыкально одаренный человек. Но его, к сожалению, сократили. И теперь перед каждым мероприятием ответственные за его проведение ломали свои, и так не крепкие, головы над проблемой правильного помещения штекера от микрофона и от колонки в гнезда пульта. Происходило это, как правило, давно разработанным, и общепринятым в странах бывшего союза методом «научного тыка». При таком подходе гнезда пульта постепенно расширялись, а во время процедуры подключения из колонки вырывалась какофония звуков, схожая с артподготовкой при штурме Берлина. Мероприятия чаще проходили после полдника, и, соответственно, подготовка музыкального сопровождения проводилась в часы, которые в детских учреждениях принято называть «тихими». За импровизированными кулисами стоял стол с наваленными на него разнообразными ватманами, искусственными цветами и тканью. Тут же помещался макет деревянного домика, неоднократно участвовавшего в постановках народных сказок о добре и зле, и сказаний земли сибирской. Домик был блеклый, и с проломленной рамой окна на чердаке. Но, несмотря на непрезентабельный, даже для домашнего театра, вид, честно справлялся с ролью единственной декорации.

Зайдя в зал, Инна обнаружила несколько воспитанниц и одного воспитанника, с яркими признаками заболевания, дающего право не посещать любое учебное заведение. Дети сидели на ковре-сцене, и перебирали, судя по наличию мишуры и бахромы, сценические костюмы. Для какого театрального действия мог подойти этот реквизит, с первого раза догадаться было крайне трудно. Инна прошла в зал и села на стул, ближайший к детям.

– Здравствуйте.

– Здравствуйте, – отозвалась первой рыжеволосая девушка, больше похожая на воспитателя, – вы к нам из студии?

– Нет, – Инне стало неудобно, что она не та, кого ждали, – я новый психолог.

– А. А мы ждем из студии. Уже на полчаса опаздывает, – посетовала рыжеволосая. –

А как вас зовут?

– Инна Михайловна. А вас?

– Меня Анжела. Со мной еще полгода можно на «ты» разговаривать.

– А почему только полгода? – потерялась Инна.

– Через полгода мне будет восемнадцать, и я буду взрослой. И наконец-то уйду отсюда.

На – всег – да, – мечтательно раскинув руки, по слогам произнесла Анжела.

– Здесь так плохо живется? – Инна решила сосредоточить начало беседы на Анжеле.

Остальные подтянутся в разговор позже, когда увидят, что в собеседнике нет опасности.

– Не так плохо. Но и не хорошо. А вы у кого на группе будете? – решила поменять тему разговора Анжела.

– На младших подростках. Только я своих ребят найти не могу. Я сегодня первый день, еще никого не знаю. Может, поможете мне? – Инна с надеждой протянула список.

– Давайте. – Анжела на коленях придвинулась к Инне, и протянула руку. – Так, посмотрим. Этот в школе. Этот тоже. И эти. Они скоро придут. Просто в первую смену учатся, – обнадежила Анжела психолога.

– Ого, смотри. Тут и Юрка есть, – воскликнул определенно недалекий парнишка.

– Да вижу я, – перебила его радость Анжела. – А вы про него знаете? – Анжела пристально посмотрела на Инну.

– Воспитатель сказала, что он не любит разговаривать со взрослыми.

– Ну, не со всеми. Он точно не разговаривает с работниками детского дома, учителями и психологами.

– Значит, у меня нет шансов? – расстроилась Инна.

– Ну почему же. Может, вы ему понравитесь. Правда, воспитатки пытались по-всякому его разговорить. И деньги обещали, и конфеты. Не получилось. Если ему надо – пишет. А так мычит.

– Ага, – вмешалась в разговор девочка с непонятным цветом волос, переживших не одно мелирование. По ее переливающимся цветами радуги волосам можно было защитить лабораторную работу по физике, – а помнишь, как они его гулять не отпускали два дня. Сговорились, и решили заставить его говорить. Так он на второй день им стол сломал, цветочным горшком стекло в окне разбил. И все равно убежал.

– Да, помню. Его потом три дня не могли найти. А он сам пришел, и написал им, что извиняется. Вот они и решили отстать от него.

– А зачем с ним связываться? Через два года уйдет отсюда, – решила подытожить рассказ о Юрке девочка-радуга.

– А давно это было? – Инна вкратце записывала рассказ в ежедневник, и хотела уточнить дату.

– Около года назад. Он потом злой ходил несколько месяцев. А потом стал с нами разговаривать.

– Вы не спрашивали, почему он не разговаривает со взрослыми?

– Спрашивали, – решила наконец-то вступить в разговор упитанная девица, сидящая дальше всех, – он говорит, что дома постоянно его затыкали и били, когда он хотел что-то сказать. Когда Юра приехал сюда жить, сначала говорил, а потом поругался с одним мальчиком. Он уже здесь не живет. И это мальчик, Ваня кажется, его ночью по голове ударил стулом. Ну, Юра пожаловался дежурному воспитателю, а то его послал. Спать хотел, наверное. И Юрка с тех пор только с нами разговаривает.

– Мы ему говорили, что есть нормальные воспитатели. А он не верит больше никому. – Анжела отложила костюм, и задумчиво посмотрела в окно.

– Была старая директор. Так она с ним долго разговаривала. Он даже с ней вроде иногда словами говорил. А сейчас некому, – не отрываясь от окна, с грустинкой произнесла Анжела.

– А новый директор с ним не общается? – Инна отложила на соседний стул ежедневник, и приготовилась запоминать. По глазам детей стало понятно, что она затронула какую-то не очень приятную тему. Обычно, на такие вопросы люди отвечают, когда видят, что руки у тебя не заняты записывающими предметам, и более полно могут раскрыться в беседе.

– Ха, новая директор. Она даже с нами не здоровается. Проносится мимо, и не смотрит, кто ей на встречу идет, кто с ней разговаривает, – прорвалось у Анжелы.

– Она и со мной не здоровается, – опять встрял паренек. – Я ей: «Здрасьте!», а она пролетела к себе.

– Да заткнись ты уже, – пухлая девица явно имела власть над ним, и без оглядки могла себе позволить такое выражение, – она как пришла, сразу заперлась в своем кабинете. Не пришла к нам, не представилась.

– Да хотя бы собрала нас в зале, и сказала, что, типа, я новый директор, меня зовут так-то. Неа, – обиженно произнесла мелированная.

– А вот еще приколы, – Анжела пододвинулась к Инне, – наши пацаны пошли к ней сами. Хотели поговорить об осеннем празднике, ну, типа, новый учебный год начался, отпраздновать надо. Так она им сказала, чтобы они с этим подошли к воспитателю, а тот уже ей доложит. Вот так. Не захотела с ними разговаривать. Они пытались с ней еще поговорить, но она сказала, что очень занята, и попросила их уйти.

– А они что? – Инна почувствовала, что событие просто разговором не закончилось.

– А что. Психанули. И не пришли ночевать. В подъезде просидели всю ночь. Утром пришли и спать легли.

– Вот тут крику было, – дополнила девушка в теле. – Из директорской доносился ее рык на заведующих и воспитателей. Потом все воспитатки, что на смене были, два часа объяснительные писали по самовольному уходу.

– Ага, – вернулась в тему Анжела, – она пыталась их к себе на беседу позвать. Они воспитаток послали. Она сама пришла к ним в комнату. Так они даже не посмотрели на нее. Только Погреб перднул громко, а остальные поржали. Но делали вид, что спят. Ох, она и разозлилась. Ушла к себе, и при этом очень громко хлопнула дверью их комнаты. Запретила охранникам их выпускать из детского дома. Но они выспались и свалили в тот же вечер. И все. С тех пор они враги.

– Да правильно они сделали. Я бы ей бы еще и в морду бы дал, – разгорячился Шурик.

– Ой, «правильно». А сам в комнате сидел и молчал, как мышь. Герой, – остудила Анжела. – Женя, заткни своего брата, – обратилась она уже к пышной девице.

– Ну-ка, сядь и заткнись! – приказала Женя несмышленому брату.

– Ладно, ладно. Че ты? – наигранно испугался Шурик, но присел рядом с Инной.

– И после этого к ней никто не ходил? – Инна была ошарашена рассказом.

– А че к ней ходить? Толку нет. Вот прошлая директор всегда к нам нормально относилась. И концерты организовывала. И одежду с нами ходила покупать. С ней всегда можно было поговорить. А эта...

– Да она е...ая какая-то, – неожиданно вырвалось у Анжелы. – Ходит, как снежная королева. Сама в себе.

– Ну-ка! Не ругаться здесь! – воскликнула громким командным голосом, тихонько вошедшая, хозяйка радужного зала. – Это что еще такое! Сколько раз я вам говорила, не материться при мне. А еще девочки. Ай-яй-яй. При взрослом человеке. И про взрослого. Да как вы смеее так говорить про директора? – больше заботясь о том, чтобы эти слова не дошли до директора, чем о моральной обличке воспитанниц, назидательно произнесла заведующая культурой. Хоть и не она произнесла эти ругательства, но были, и, видимо, небезосновательные, опасения, что могли не так донести вольные слова, а потом будет тяжело доказывать, что ты не сухопутный транспорт пустыни. А человеку, державшемуся за эту работу, как за необходимую добавку к пенсии, это было совершенно не нужно. Она была человеком творческим, и хорошо могла организовать детей и подготовить, и, что немало важно, провести концерт или спектакль. Но без участия воспитателей ее душевного огня на всех не хватало. А так как возраст был уже немолодой, то по закону сохранения собственного здоровья она выбирала только тех, кто либо сам приходил к ней, либо сразу откликнулся на ее призыв об участии в намеченном мероприятии. Желающих сразу кинуться в объятия славы было не много, и приходилось в буквальном смысле вытягивать самородков на подмости. Самородки вяло упирались, боясь насмешек со стороны одноклассников. Да и вос-

питателей тоже. Приходилось уговаривать, убеждать, подкупать возможными, а чаще, фантастическими перспективами.

– А что, я не права? – возмутилась упреком Анжела. – Скажите, не бойтесь.

– Я сейчас не о праве на права говорю. А о том, что надо слова подбирать правильно. Ты же девушка. Скоро во взрослую жизнь пойдешь. А ругаешься, как сантехник. Да еще и при младших. Вот чему ты их учишь?

– Ой, да ладно. Они сами могут научить, кого хочешь. И еще похлеще, чем я. Да, Шурик?

Названный Шуриком паренек непонимающе посмотрел сначала на Анжелу, затем, почему-то, на Инну, и, покачив головой, ответил:

– Не. Таких слов не знаю.

– Да ладно. А кто сегодня с утра матерился на охранника, когда мимо него бежал? – прижала фактом к стене позора Анжела.

– Так это, он не слышал, – оригинально оправдался Шурик.

– Так, хватит на эту тему. Все, идите. Мне надо зал закрыть. – Хозяйка зала позвенела ключами перед лицами детей.

– А как же? К нам должны были из студии прийти, – напомнил Шурик.

– Не придет сегодня. Позвонила, сказала, что очень занята.

– А когда придет? – расстроилась Анжела. Видимо, у нее были значительные планы на этого гостя. – Мы же о спектакле хотели поговорить.

– Не знаю. Сказала, что позвонит. Все. Давайте, идите, – играючи стала поднимать детей хозяйка «радужного».

– Вот блин, так всегда. Ждешь, ждешь, а они кидают, – решила расстроиться и девочка-радуга.

– А костюмы убирать? – Шурик поднял носком тапка кусок старой шерсти, игравший в спектаклях то воротник, то кошачий хвост.

– Оставьте, я уберу. Все, идите.

Дети, вслед за Инной, послушно поплелись из зала. Впереди было еще много времени, а заняться, судя по выражениям их лиц, было не чем.

– Пошли, покурим, – бойко предложил Шурик.

– Пошли, – грустно поддержала Анжела. И вся компания несостоявшихся актеров поплелась вниз по центральной лестнице.

Инна, оторопев от такого времяпрепровождения местной детворы, лишь проводила их взглядом. Детей она не нашла, с воспитателем контакт не заладился, директор открылась ей с новой, неожиданной стороны. Информации было много, и надо было взять десятиминутный тайм-аут. «Может, чаю попить?», – мелькнула спасительная мысль. Инна отправилась в свой кабинет, погружившись в анализ всех этих разговоров. Больше всего ее угнетал факт курения детей. Да, она тоже курила подростком. Но тайком, и не долго. Не афишируя это так свободно. Потом, после восемнадцати, она уже серьезно влезла в эту привычку. И сейчас пыталась переломить себя, начав новую жизнь без табака. А тут такое. Резкое желание наплевать на здоровый образ жизни надо было срочно чем-то подавить. Например, конфеткой.

«Нормированные» и их воспитатели

Пора дать читателю отдохнуть от нескончаемых диалогов, и переключиться на изучение некоторых понятий и особенностей работников детского дома, чтобы лучше представить себе жизнь за этим забором, в которую они вряд ли пожелали бы окунуться не только своему врагу, но и даже, я уверен, что большинство людей – гуманисты и просто милосердные люди, – врагу всего человечества. Итак.

Нормированные дети – это дети, получающие все в этой жизни по нормам, утвержденным различными документами, постановлениями, приказами (прозвучало как цитата из определения понятий постановления). В этих документах умные дяди и тети, непонятно из каких исследований, и благодаря каким экспериментам, прописали, сколько воспитаннику детского дома необходимо трусов и носков на год, калорий в день, карандашей, ручек и тетрадей в месяц, кроссовок на сезон. И не дай Бог попытаться выйти за строжайшие пределы этого четко разработанного и утвержденного на всех уровнях, начиная от правительства страны, и кончая актами детского дома, норматива. Любой экономист на вашу нелепую и, прямо скажем, глупейшую просьбу хоть как-то пересмотреть затраты и выделить деньги на крайне необходимую на данный момент вещь, ответит вам тоном хранителя ключей от склада богатств: «Денег нет. Сколько денег заложено в год на эту позицию, столько мы и можем потратить. И ни рубля больше. Сейчас время такое. Финансовый кризис по всему миру, а вы лишние трусы просите закупить». И не важно, что трусы, купленные для девочек, по фасону абсолютно не подходят для девушек-подростков. Лишь только размером. И не надо думать об этих девушках, как о фривольных куртизанках. Вы сами-то, домашние дети, тоже не носили бабушкины панталоны, а все больше шортики да стринги. И не считаете это верхом распутства. Так почему же этим юным барышням не одеваться соответственно моде и возрасту? Но есть норматив и определенная на год сумма. И от нее не отойти. Ну, разве что, новому директору на мебель и ремонт своего кабинета. Но это уже другая статья расходов и путать их между собой не стоит. В семье все покупается по необходимости, сахар и соль добавляются в пищу на глазок, подарки и вещи приобретаются по желанию. Но это ведь в семье. А в детском доме живут государственные дети, то есть... Впрочем, как и все государственное, теперь уже даже и не народное, в нашей необъятной стране.

Из всех щелей в детском доме сквозит нормированность. От нее невозможно спрятаться нигде. Особенно, это касается питания. Как заметил один юморист, – в профессиональных училищах специально учат будущих поваров, как готовить невкусно. Еда во всех столовых, – будь то больница, школа, или этот детский дом, – всегда монотонно безвкусна, пресна и однообразна. Меню, в которое не вложено ни грамма любви, потому что это работа, и четко подобранные продукты питания, без возможности отступления от правил приготовления, невозможно насытиться. Повара готовят не для детей, а на количество детей. У них есть свои дети, для которых им не жалко ни любви, ни внимания, ни фантазии при приготовлении домашних обедов. А эти дети с детства едят белки, жиры, углеводы. Но не еду. И, конечно, постоянно ходят голодные. Они хотят получать не только витамины и микроэлементы, но и частицу любви. Ту искорку, с которой обычно готовит мама, а иногда и папа.

Нормированность касалась не только детей. Это понятие в виде отчетов и планов лежало тяжелым грузом на плечах практически всех сотрудников. Каждое свое действие в отношении воспитанников необходимо зафиксировать в специальном журнале «ОКАЗАНИЕ УСЛУГ». Без этого журнала начальству не видно, работал ли ты в течение месяца, или нет. Даже если все дети умыты, накормлены, одеты и здоровы. Не видно. И все тут. И, чтобы правильно отчитаться о выполненной, и даже перевыполненной работе по оказанию социальных услуг в виде количественных и качественных показателей, раз в месяц заведую-

щие структурными подразделениями усаживались за специально отведенный под эту, чрезвычайно ответственную, процедуру, компьютер, и в течение нескольких часов, а иногда и дней, вносили показатели «работы» в программу. Показатели были превосходные и ежемесячно приносили, правда, не всем, дополнительный доход в виде премий. Хотя, основной показатель, то есть воспитанник и его жизнь, явно был не на высоте.

Обо всех воспитателях такого заведения трудно сказать что-то однозначное, подводящее всех под одну гребенку. Но, что явно бросалось в глаза сотрудникам, не занятым напрямую воспитательным процессом, так это регулярное отсутствие людей, по великому замыслу наших корифеев педагогики заменяющих родителей, на рабочем месте. В свое рабочее время они могли находиться где угодно, прикрываясь явным дефектом построения воспитательной и учебной деятельности. Причина ухода часто аргументировалась необходимостью посещения школы, где воспитуемые срывали уроки, напивались в туалетах, просто не появлялись, несмотря на то, что многих буквально заводили за руку в класс и сдавали персонально учителю. Так же, в обязанности воспитателя входило посещение комиссий, сбор справок и характеристик со школ и средних специальных заведений. И, если немного свернуть в необходимую для воспитателя сторону, то вряд ли кто-то посмеет его упрекнуть в прогуле или нецелесообразном использовании рабочего времени. Ведь транспорт на такие цели не выделялся, и проследить маршрут пути работника невозможно.

Очень неправильно и некрасиво переходить на личности при описании сотрудников детского дома. Ведь не описывают же, например, личность бухгалтера. Его личность, как сотрудника компании или фирмы, будет абсолютно неинтересна. Будь он демократ, или православный, читает ли он Достоевского, или Донцову, посещает он театральные премьеры очередной версии «Мастера и Маргариты», или качает по ночам пиратские версии последних блокбастеров американского ширпотреба, как он относится к браку, и верит ли астрологам и народной медицине. Это не интересно никому при описании такого человека, как бухгалтер. Вот что вызовет настоящий интерес у руководителя, так это уровень владения знаменитой бухгалтерской программой и опытом правильного ответа на вопрос руководства: «Сколько будет: два умножить на два?». Да. Неправильно, неэтично, и просто низко описывать личности работников, если бы не одно «но». Именно от личности сотрудника детского дома, непосредственно занимающегося воспитанием молодого поколения, зависит, во что превратится этот человек по выходу из детского дома, какой дорогой он пойдет по жизни, и как будет преодолевать сложности и препятствия на своем пути. А откуда он может узнать о правильном поведении в той или иной ситуации, если родители поклоняются, не подымая головы, Бахусу, а информацию из телевизора и интернета можно использовать только при написании сценария для кошмарных компьютерных игр? Из живого общения с человеком предыдущего поколения, якобы должно иметь если не опыт (невозможно познать жизнь со всех сторон на своей шкуре), то хотя бы теоретические знания о том, как зеленому ростку пробиться через асфальт жизни, и не быть при этом затоптанным собратями по разуму. И что же наши последователи Макаренко? Многие из них не имели ни детей, ни полноценного педагогического образования. Ну, отсутствие своих собственных детей мы оставим на совести Бога, и семимильно шагающей нано- и высокотехнологичной медицины. Хотя, откладывание зачатия на после – получения образования, постройки карьеры, покупки квартиры и машины, – лежит на совести самих бездетных граждан. А вот по поводу образования хотелось бы остановиться поподробнее. Высшее педагогическое образование в нашем продвинутом в области современных технологий времени, можно получить, даже не посещая институт. Конечно, это не диплом из перехода станций метро нашей столицы, и не распечатка на хорошем принтере картинки диплома из интернета, но и от выстраданного в течение пяти лет штудирования учебников, записывания гениальных лекционных мыслей великих преподавателей педагогики, такой диплом отличается,

как ручная сборка от штампованного производства в одной многомиллиардной стране. И, имея первичное, не важно какое, хоть медицинское, хоть экономическое, высшее образование, можно, за сравнительно небольшие деньги, через три года, или шесть, при отсутствии первой «вышки», учебы в аттестованном высшем учебном заведении, находящемся в Хабаровске или Калининграде, главное чтобы не требовали часто приезжать, дистанционно обучиться и получить диплом, позволяющий калечить направлять и воспитывать детей. Но «заушный» диплом не всегда получают с целью посвятить себя этому сложному и неоднозначному занятию. Такой диплом очень необходим в некоторых сферах, напрямую, казалось бы, не относящихся к воспитанию. Например, не имея высшего образования, нельзя стать офицером в разношерстных структурах МВД. Было время, когда благодаря карьерным претензиям сотрудников ДПС, в одном филиале известного столичного института был перевыполнен план на несколько лет вперед по обучению «физкультурников» по программе дистанционного обучения. Конечно же, на платной основе. А, чтобы не тратить время и нервы преподавателей и студентов, экзамены, так же, проходили на этой же основе. Юридическое образование очень дорого и хлопотно, даже «заушное». А почитателей физической культуры не так много. Да и расценки на такое образование радовали кошелек. И, после выхода на пенсию в относительно молодом возрасте, что является неотъемлемой льготой, такие вот потоки детских душ, чтобы не сидеть без дела и дополнительного к пенсии заработка, реализовывали свои «знания и опыт» на брошенных отпрысках. Иногда, ну, скажем, в единичных случаях, когда, уже будучи принятым на должность воспитателя, человек не имел подходящего диплома и все еще заочно обучался этому ремеслу. Такое могло быть с очень редкими личностями. Конечно, наличие другого, полноценного, диплома не гарантирует присутствие интеллекта. Но нельзя же так упрощать образование людей, и, пусть вам не покажется это громкими и пустыми словами, от которых зависит будущее страны. Про трудности в воспитании брошенных детей талдычат с незапамятных времен, но воз, как вы теперь понимаете, и ныне там. Или, даже, немного скатился назад.

И если такой воспитатель приходит в детский дом, то стоит ли удивляться его статусу на страничке сайта социальной сети: «До отпуска девять смен!». Вы почувствуйте, и даже посочувствуйте, какая это мука – каждый день считать количество смен до, хоть и временной, но свободы от этого груза. Для воспитателей пребывание в детском доме, именно пребывание, а не, хотя бы, работа, приносящая стабильный доход из средств налогоплательщиков, мука несусветная. Вроде и коллектив неплохой, и директор редко появляется в отделении, и зарплата за такую работу подходит. Но вот, если бы не обязанность заниматься воспитанием чужих детей. И приходится им, бедным, заниматься детьми. Именно детьми, а не их воспитанием, адаптацией, научению, как вести себя в той, грядущей, взрослой жизни. Но нет. Это всего лишь работа. И внимание, и совет, и просто доброжелательное отношение – строго в пределах выплачиваемого жалования и должностной инструкции. И в строго рабочее время. А для детей – это жизнь, в которую они попали, благодаря отсутствию у их родителей меры в питье вина, пристрастия к наркотикам, или же отсутствие какого-либо, хотя бы в зачаточном состоянии, чувства долга перед своими детьми, именуемого в простонародье «материнским инстинктом». Жизнь, в которой им приходится каждодневно выживать, подстраиваясь под настроение замаявшихся воспитателей, перенося насмешки в школе, терпя унижения от содетдомовцев. Они барахтаются в этой жизни государственных детей, пытаясь выбраться из этого, непонятно для каких целей, кроме создания рабочих мест и промывания бюджетных средств, созданного перевалочного пункта, под названием детский дом, из домашней, но голодной и нищей, во взрослую, неизвестную и страшную, жизнь. Они пытаются выбраться туда и к тем, кому они будут нужны не из-за зарплаты, стажа, или недостаточной пенсии. А по-настоящему нужны. Пытаясь заменить полноценное родительское общение общением со штанными единицами, и понимая, что и им они не

нужны, детдомовские, в первую очередь, пытаются, и искренне надеются на восстановление родительской связи. Но, родителям они все также неинтересны. А когда человек никому не нужен, он не нужен и самому себе.

Так почему же люди, вроде не глупые, и с руками, идут на эти галеры? До недавнего времени, хорошим стимулом был летний отдых воспитанников в капиталистических странах. Естественно, в сопровождении воспитателя, или двух. Побывать на зарубежном пляже за государственный счет, посмотреть новое и неизведанное, под прикрытием сопровождения обездоленных, это ли не стимул? Месяц в турпоездке, да еще оплачиваемой, как командировка. Вы отказались бы от такой перспективы? В последнее время, правда, за граница перестала присутствовать в планах летнего отдыха. Кризисы, будь они неладны. Но санатории Черного моря, оздоровительные пансионаты Урала, хоть и чисто теоретически, и при хорошей фантазии, пришли на замену песчаным пляжам Испании, и тоже требовали обязательного сопровождения воспитанников. Вроде и командировка, а похоже на отдых. И детей в группе меньше, и денег платят больше. И свой законный отпуск целый, неиспользованный. А на море уже побывал.

Немаловажной причиной присутствия на работе в этом учреждении был предыдущий трудовой опыт, в котором имелись те или иные пятна, не позволяющие более трудиться в привычной для воспитателя, или бывшего преподавателя, среде. Не ужившись на предшествующих местах работы, сотруднику приходилось, после попадания в это учреждения и, понимая, что дальше либо карьера продавца, либо разнорабочего сферы ЖКХ, уживаться и терпеть эту работу. В среде педагогических работников города это заведение считалось конечным, и наименее перспективным в плане карьеры. Поэтому на работу принимали практически всех, кто пришел проситься на жалование. А ведь, не мешало бы перед положительным ответом о приеме на работу, проводить хотя бы простенькое тестирование на профессиональную пригодность кандидата. Глядишь, и престиж бы поднялся. И результаты были бы не только на бумаге.

Наименее амбициозные, и более продуманные сотрудники, проще относились к работе, и находили в ней свои прелести. Например, выбор смен дежурств. При хороших взаимоотношениях, а только такие и нужно поддерживать с непосредственным начальником, коим является заведующий отделением, ибо тогда нет смысла и работать, можно было очень выгодно, – побольше ночных дежурств, и работа в праздничные дни, – и удобно, под личные нужды, подстроить график своих смен. И график работы воспитателей конкретного отделения составлялся в соответствии с пожеланиями приближенных, и строго по трудовому кодексу, но не как с разумными требованиями жизненных обстоятельств. При графике работы «день – ночь – отсыпной – выходной» воспитатель, к которому начинал испытывать доверие детдомовский ребенок, замещая пустоту родительского тепла, и считая его единственным достойным хранителем тайн и жизненным советчиком, видел этого малыша не чаще одного раза в три-четыре дня. А были еще подмены, снятие смен, с целью уменьшить сумму выплачиваемых за переработку денег. И просто больничные и отпуска. Иногда даже декретные. Да, воспитатели тоже люди со своими житейскими проблемами. И они вовсе не обязаны выворачиваться наружу ради какого-то, пусть и очень несчастного, но чужого ребенка. В дни составления графика заведующих одолевали походы их подчиненные с просьбой подстроить график работы под день рождения, или приезд любимой мамочки. Кто приходил с требованием соблюдать закон и социальную справедливость при распределении дежурств, кто просил поставить сверх нормы ночных дежурств, оплачиваемых дополнительно, перед отпуском. Часто на этой почве возникали конфликты между молодыми, имеющими маленьких детей, и сиротливо ждущих их дома мужей, и опытными сотрудниками с большим стажем, и претензиями на первоочередное, с их точки зрения, выполнение именно их требований при составлении графика. Основной аргумент старейших был, как и везде:

«Мы отпахали свое в молодости, пусть теперь молодые пашут. А то привыкли на все готовенькое». На что молодые ссылались на статьи законов и приказов об их преимуществе, как молодых мам, или пытались вызвать чувство жалости к себе из-за неподъемной ипотеки, или невозможностью подстроиться под график работы мужа, с которым виделись лишь на сайтах социальных сетей. Все просили, требовали, умоляли.

Особенно тяжело из-за сменного графика работы воспитателей приходится детям в дошкольных группах. И, если в средних и старших группах воспитатели откровенно избегали своих должностных обязанностей, то с этими детьми шла плодотворная воспитательная работа. Каждый воспитатель считал, что только он знает, как воспитывать детей и устанавливал свои правила на смене. Что только она знает, во что одевать детей во время дневного сна, во что играть, и как приучать к горшку. И если одна из «мам», как частенько называют любую женщину брошенные маленькие дети, которая не бьет их по пьяни, а одевает и играет, считает, что детей надо закалять, одевает их даже в мороз в легкую одежду, то другая, «мерзлячка» по жизни, старается всех укутать во все одежды. И, естественно, дети регулярно путаются, что им надевать, какие игрушки брать. Они не следят за сменами воспитательниц, и не успевают перестроиться. И, в результате, постоянно получают... замечания от вновь прибывшей на смену воспитательницы.

Отношения воспитанников с воспитателями были построены исключительно на взаимовыгодных условиях, на которых строят отношения с взрослыми все подростки, вовремя не понявшие и не принявшие другие способы отношений между людьми. Воспитатель, с целью нормального прохождения дежурства, мог, и непременно шел на небольшие, или большие, – у каждого своя мера, – уступки. Например, если детвора приходила с легким запахом известных напитков, то, вместо немедленного принятия срочных мер по вытрезвлению и докладу на следующий день вышестоящему, воспитатель отправляла детей спать, с условием, что они не будут бурогозить. Если же дети были слишком пьяны, то приходилось сидеть возле их кроваток до полного их успокоения. Зато, на следующий день, или же в другой подходящий момент, воспитатель мог напомнить об оказанной услуге, и попросить от провинившегося ответных благосклонных действий. Допустим, надо было собрать определенное количество воспитанников для посещения кинотеатра, оплаченного неизвестно с какой целью, и непонятно, откуда взявшимся, спонсором. И, для количества, должник отправлялся в двухчасовое сидение в кинотеатре, вместо прогулки по свежему воздуху в сопровождении «яшки» и никотина. Зато, при активной помощи определенному воспитателю, можно было рассчитывать на проведение своего дня рождения с небольшим застольем для избранных, с не попадающимися на глаза пустыми бутылками и банками, – обязательным атрибутом любого праздника, – и, конечно же, танцами и весельем до глубокой ночи.

Не все воспитатели умели проявить гибкость в отношениях с подопечными. Некоторые пытались жестко гнуть свою линию, не имея при этом ни моральных, ни физических (не подумайте плохого), сил. Особенно, это касалось новеньких, необстрелянных работников. Стараясь воспитывать, а не просто отсиживать время и следить, чтобы все были хотя бы живы, новый сотрудник попадал в немилость не только коллег, но и воспитанников. Воспитателя можно было достать не только своим поведением, дерзким, и провоцирующим на грубое отношение, или выключенным сотовым телефоном во время незапланированной прогулки в ночное время. Можно было сидеть всю ночь в воспитательской, и заставлять разговаривать на нуждающиеся в срочном обсуждении темы, волнующие воспитанника именно в эту ночь, А, при попытке отправить собеседника спать, указать на то, что на работе спать воспитателю не положено, и пойти все-таки спать. Но, на смену ушедшему тут же являлся свежий разговорчивый, со своими «срочными» проблемами. И так могло продолжаться до утра. На следующий день воспитанники отсыпались, а воспитатель с чугунной головой с трудом добирался до домашней кровати, отмечая все намеченные на день семейные дела.

Интересно была построена в этом заведении система учета присутствия воспитанников в стенах детского дома. Если воспитанник уходил гулять в светлое время суток, то это мало кого волновало. Главное, чтобы он явился до 21–00 – времени передачи смен воспитателей. Если же ребенок не возвращался к указанному времени, или, что еще хуже, уходил вечером или перед передачей смен, то его... ждали. Конечно, по инструкции положено было сообщать в полицию о пропавшем ребенке. Но это плохо отражалось на статистике работы учреждения и премии директора. Поэтому, было принято негласное решение вызванивать гуляк, и уговаривать вернуться «домой». Если же воспитанник отказывался возвращаться, за ним выезжал воспитатель. Либо на своем авто, либо на такси. И уговаривал вернуться ребенка в теплую детдомовскую постель. Иногда, волоча полубесчувственное тело на себе. Были такие воспитанники, кто уходил, не предупреждая, но о них не волновались, так как знали, что он у своих родителей и утром придет. В таком случае обходились просто звонком биологическим родственникам, и ждали спокойно следующего дня. А где на самом деле был подопечный этой ночью, что вытворял, никого не волновало. По бумагам он ночевал в детском доме. То есть, алиби у ребенка было. И кто ж вспомнит через месяц или два, в случае подозрения в совершении правонарушения, ночевал ли он по бумагам, или действительно сладко посапывал в кроватке под присмотром воспитателя. Главное, не портить отчетность.

Да, были в учреждении еще сотрудники – бухгалтеры, экономисты, отдел кадров и другой ИТР, не работающие, или, правильнее, не прикасающиеся ни к воспитанникам, ни к их воспитанию. Но, много судачащие о бестолковой работе воспитателей, многочисленных несправедливых поступках воспитанников, и о новом начальстве. Как и все, мы любим «обмусоливать» темы ни лично, ни по работе, нас не касающиеся. Можно и рот проветрить, и время скоротать, и не навредить себе озорной болтовней.

В общем, работа в детском доме, в понимании большинства сотрудников, ничем не отличалась от любой другой работы. А должна была сильно разниться по сравнению с парикмахерскими, пекарнями и круглосуточными магазинами.

«Работа здесь – это всего лишь работа, как и в другом месте. И не надо тут разводить философию. Она ни к чему хорошему не приведет» – цитата одного из старейших работников детского дома.

Всего лишь работа...

Витя и инна

Когда Инна вернулась в свой кабинет, ее ждал сюрприз. Или, как озвучил это иностранное слово гнусавый переводчик фильмов с английского: «Не ждали?».

– Ты где ходишь? – Судя по отсутствию субординации в обращении, и наличию чрезмерного уровня тестостерона в голосе заведующей, Инна совершила что-то ужасное.

– Я с детьми знакомилась, разговаривала с воспитателями, – попыталась оправдаться Инна.

– Какие дети? Они в школе. А от воспитателей ничего толком не добьешься. Вообще, зря все это. Тебя заведующая приемником ждет уже полчаса. Хочет, чтобы ты с новеньким поговорила. Станный он какой-то.

– А о чем говорить? – У Инны было мало практического опыта, и она считала, что ей надо еще дорасти до таких консультаций или, хотя бы, получить мастер-класс.

– Как о чем? – изумилась заведующая. – О жизни. О том, почему он сюда попал. И попытаться направить на путь истинный. Зав. приемника сказала, что он «бегунчик». А нам такие не нужны. Проблем с ними много потом. Отписок кучу строчить придется. Так что, попытайся выяснить причины семейных конфликтов, и настрой его жить дома.

Инна направилась в приемное отделение, по пути пытаясь выстроить стиль беседы, подобрать вопросы. Такое ответственное задание в первый же рабочий день спутало ее мысли. От роя идей ей стало плохо: голова кружилась, в ушах пульсировали сосуды. Желудок тоже не упустил возможности напомнить о себе. Ком воздуха застрял в горле. Остановившись на лестнице, Инна три раза глубоко вдохнула, и приняла единственно правильное решение – действовать по обстановке. И будь, что будет. Пусть ее уволят. Работу она найдет. Премия ее еще не волновала. Правда, в первый день опозориться очень не хотелось. Ну, вперед.

Зайдя в кабинет заведующего приемным отделением, Инна собрала всю оставшуюся волю и спросила:

– Где мальчик?

– Во-первых, здравствуйте, – Ирина Аркадьевна была ошарашена столь неожиданным появлением юной особы. – Вы кто?

– Я – новый психолог. Здравствуйте, – Инна смутилась своей бестактностью.

– Ага, – слегка протянула заведующая, – я надеялась, что придет ваша начальница. А что, других психологов нет у вас?

– А я чем не подхожу? – впадая в крайнюю неуверенность, спросила Инна.

– Да опытный человек здесь нужен. Но, впрочем, и вам надо с чего-то начинать. Идите в изолятор. Там он, страдалец.

Инна сделала шаг к выходу, но остановилась.

– Вы с ним уже разговаривали. Он сказал вам, почему он здесь?

Заведующая, успевшая уже погрузиться в написание смс, не поднимая головы, и не отрывая ни взгляда, ни пальцев от телефона, монотонно произнесла:

– Да у всех у них одно и то же: папа плохой, гулять не дает, бьет постоянно. А папа горбатится, чтобы этого прокормить. Поговорите, сами все узнаете.

Психолог, получив бесценную информацию, проследовала к месту изолирования Вити. Попытавшись открыть дверь самостоятельно, она услышала из-за двери детский голос:

– Меня заперли.

Пришлось Инне возвращаться к заведующей и просить открыть дверь.

– Вот ключ. Держите его при себе. А то пропадет.

– Он еще и ворует? – округлила глаза Инна.

– Сбежать захочет – обязательно.

Открывшемуся взору Инны предстал красноглазый мальчик, сидевший спиной к стене, и обнимающий острые коленки. Грязные волосы были взъерошены, и торчали в разные стороны. На доли секунды Витя поднял взгляд на психолога, и снова погрузился в себя. Он уже принял решения не ожидать ни от кого ничего хорошего. Поэтому, настрой на визит любого взрослого был однозначный – молчать. Недолгая встреча глаз прожгла Инну до тех глубин души, куда обычно и сам стараешься не заглядывать. Страх, тоска, одиночество, безысходность. Вот что заставило Инну закрыть на секунду глаза. И, в тоже время, сила. Сила, с которой загнанное в угол животное бросается в горло своему противнику, несмотря на разницу в росте, весе, количеству. По коже Инны пробежали мурашки, в горле пересохло. Она стояла и смотрела на этот комок ненависти и ужаса. Но надо было что-то делать, как-то начинать разговор. Именно надо, ведь она на работе. В другой ситуации, в другом месте, она обняла бы этого мальчишку, растормошила бы его, крикнула бы: «Ну что ты? Не кисни! Все будет нормально!». Но это могло быть только в параллельной вселенной. В той, куда она уносила своими мечтами и мыслями, где не было зла и несправедливости. Где можно было себя не сдерживать в проявлении добрых чувств. Но в этой, реальной, вселенной, надо было быть холодным профессионалом.

– Добрый день. Вас кажется, зовут Виктор? – Именно на «вы». С подростками нельзя иначе. Надо дать почувствовать ему себя взрослым, хотя бы в своих глазах.

– Угу.

Немногословный ответ. Но интонация, с которой прозвучала это «угу», дала Инне надежду на установление контакта. Интонация нашкодившего ребенка, который не собирается извиняться, и не признает своей вины, но при этом не против залезть к вам на руки, и сделать вид, что ничего не было. Воспитываясь в приемной семье, Инна часто наблюдала за поведением младших приемных детей. И это «угу» ей было обыденно знакомо. Институт институтом, а опыт жизни в большой приемной семье, где было несколько разновозрастных детей, бесценен, и на лекциях его не получишь. Сейчас главное не торопиться. И ни в коем случае не спрашивать о причинах нахождения в этом, не самом радужном для детей, месте.

– Ты компьютерными играми увлекаешься? – пройдя мимо Вити, спросила Инна. После такого «угу» можно было смело перейти на «ты». Она остановилась около окна и стала внимательно осматривать обстановку, будто собираясь здесь остаться.

– Да, – Витя не ожидал от этой красивой молоденькой девушки такого вопроса. Тем более что она была взрослой. А взрослые – враги.

– Слышал, новая часть джюти вышла?

– Давно уже вышла. Еще прошлой осенью, – ответ прозвучал металлическим голосом. Глаза открылись от удивления и сфокусировались на пришельце. Витя не верил своим ушам. Взрослая девушка говорила с ним о компьютерных играх, в которые даже его отец не играл. Максимум, на что хватало способностей отца, так это на самый популярный пасьянс. И то, самого легкого уровня. Внутренний голос пытался подсказать, что здесь что-то не так. Но эти игры были его миром. Миром, в котором он был сильным, смелым и могущественным. И пицание какого-то голоса потонуло в прилившихся эмоциях.

– Я ее за четыре часа прошел, – с гордостью в голосе, и с взглядом превосходства, сообщил Витя.

– Молодец. А я неделю проходила на самом легком уровне.

Витя совсем потерялся. Сердце стало биться чаще. Ладони вспотели. Девушка тратила свое время на игру? Не может быть! Что-то тут не так. Витя напрягся:

– Вас зачем ко мне прислали? – Витя спрятал свои пробудившиеся эмоции под длинные ресницы, и насупился, поджав ноги.

– Тебя честно сказать? – Инна была готова к такому повороту разговора. Витя был уже большой, чтобы понять, что разговор об играх это не все, зачем она пришла.

– Вы, взрослые, не умеете говорить правду. – Витя приготовился к вранью и нравоучениям. Для этого он сильнее обнял свои худые ножки, и попытался представить себя в другом, своем любимом мире.

– Меня прислали, как ты правильно выразился, поговорить с тобой, – Инне пришлось ненадолго включить взрослый тон.

– Я уже говорил с этой, – Витя мотнул головой в сторону двери. – Хватит. Все равно мне никто не верит.

– А ты уже многим рассказывал?

– Да всем, – вздохнул Витя от безысходности, – но это же ваш мир. Мир взрослых. У вас свои правила. Вы защищаете друг друга.

– Неправда. Взрослые тоже были детьми. И взрослые разные бывают. – Инна не хотела защищать взрослых. Особенно после встречи со своей начальницей. – А чем тебе взрослые не нравятся? – она специально провоцировала Витю на взрыв эмоций. Ему сейчас это очень нужно было.

– Конечно, разные. Я только пришел сюда, а эта жирная сразу стала защищать отца. Говорит, какой я гад, что не ценю такую заботу, – Витя чуть ли не срывался на крик. – И в полиции мне никто не верит. Все пугали детдомом, если я на отца заявление напишу.

– Какое заявление? – Инна присела на край кровати.

– Какое. Теперь никакое. – Витя демонстративно отвернулся.

– Тебя отец бил?

– Вы все равно не поверите.

Инна не знала как себя вести дальше.

– Знаешь, Витя... Можно я с тобой буду на «ты»?

– Мне все равно, – ему хотелось, чтобы эта, якобы, любительница компьютерных игр, поскорее ушла.

– Значит, можно. Я выросла в приемной семье. У меня папа и мама не родные. И детей жило у них девять человек. Конечно, я не могу сказать, что родители совсем нас не наказывали. Ну, по попе шлепнут, подзатыльник могли выдать. Так, по мелочи. Даже за серьезные проступки. Но не избивали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.